

Илья Плохих

Чёрная с серебром

Илья Плохих

Черная с серебром

«Алетейя»

2018

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

Плохих И. Н.

Чёрная с серебром / И. Н. Плохих — «Алетейя», 2018

ISBN 978-5-907030-91-6

Непросто выразить под одной обложкой ощущение трагичности и, вместе с тем, необычайной радости бытия. Но именно это парадоксальное сочетание характерно для творчества Ильи Плохих, чуткого лирика и автора «улыбчивых» детских стихов. Книгу «Чёрная с серебром» можно было бы назвать сборником избранных произведений поэта, однако это не совсем так, и лучше назвать её проще-поэтический сборник.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

ISBN 978-5-907030-91-6

© Плохих И. Н., 2018
© Алетейя, 2018

Содержание

За дальним полем	5
Водохранилища смотритель	5
Пролётное	7
Плыть, отгребая рукой шугу...	8
Я люблю разговоры в бригаде своей...	9
Средь полуутра-полуночи...	10
Переулки	11
Из октября вдогонку лету...	12
Большая Медведица	13
Груздь впитал в себя всю грусть...	14
За дальним полем над перелеском...	15
Когда вода соседнего пруда...	16
Сквозь замороженные стёкла...	17
В городе валенки подорожали...	18
В такой мороз и письма не идут...	19
Барометры вещают – ясно...	20
Издалека	21
Я дворник, вот моя лопата...	22
Под ногами ледяная корка...	23
Там кто– о смеётся и плачет...	24
В полях буранчиковым мелом...	25
Рыбаков унесло на льдине...	26
Север	27
Песня	28
Циолковский	29
Между Сендегой и Томшей	30
Расплескался возле ног одуванчиков желток...	30
Среди дремучих темнохвойных...	31
Иван–чай	32
Бутень и snyть	33
Это – северное лето...	34
Берёза пуглива...	35
Смастерю-ка я шкатулку из капа...	36
Между Сендегой и Томшей	37
Охотничью сукою...	38
Ночью волк на светило молится...	39
Вожатый	40
У себя в Щелькóве Островский любил	41
Огонёк	42
За тучей слышен самолёт...	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Илья Плохих

Чёрная с серебром

*Автор благодарит
поэта Любовь Молоденкову
за участие в издании этой книги*

За дальним полем

Водохранилища смотритель

Водохранилища смотритель
спускает лодку утром рано,
восходит солнце, неба житель,
и над водой клубы тумана.

Мотор пока молчит, ни нотки,
пускай сперва согреют вёсла.
Уже не лето, в его лодке
на дне за ночь вода замёрзла.

Водохранилища смотритель
зуд славный чувствует в плече,
и нитей крепче нет, чем нити
в его брезентовом плаще.

Средь общего непостоянства
идей, людей и обязательств
хранит он водные богатства
от незаконных посягательств.

И силуэт его как глыба.
Он никогда сетей не вяжет.
Он знает, где какая рыба,
но никому о том не скажет.

1994

Пролётное

«Сухой репей – невыбранный мужчина...»

Р. Сеф

Прицеп, контейнер, трейлер, фура, тара...
И на стекле стекание росы
под гул перемещения товара
по трассам среднерусской полосы.

Ещё неделя-две – придёт предзимье.
Звенят на ветке несколько монет.
А знаешь что, торговля, привези мне
чего-нибудь из пролетевших лет.

О чём не передумаеть дорогой.
По сторонам сквозь неба серый лик
внимает зовам родины далёкой
сухой инопланетный борщевик.

Плыть, отгребая рукой шугу...

Плыть, отгребая рукой шугу,
якобы на потом,
ловко отжавшись (ого, могу!),
выбраться на понтон,

взглядом окинуть причал, буйки,
остовы камышей,
то, как степенные рыбаки
ждут на крючки ершей,

галку, застывшую в небесах,
полупрозрачный лес,
так и стоять там в одних трусах
или совсем уж без.

Я люблю разговоры в бригаде своей...

Я люблю разговоры в бригаде своей:
кто вчера, с кем, чего, сколько грамм,
о реакции жён, об оценках детей,
содержанье вечерних программ,

о плодовых деревьях, прививках, сортах,
о мудрёном сложенье печей,
о цене на бензин, стоп-огнях, тормозах
и о тысяче прочих вещей.

Я прошёл курс вязанья рыбацких узлов,
посвящён был в приметы погоды,
я узнал о вредителях наших садов,
о нарезке пыжей для охоты.

Мне на редкость спокойно от этих речей,
мне целительны их обороты.
Я люблю разговоры в бригаде своей.
А ещё я люблю анекдоты.

1995

Средь полуутра-полуночи...

Средь полуутра-полуночи,
какой-то неконтинентальной,
как старый опытный рабочий,
иду на зов завода дальний

вразрез движению струй и капель,
сквозь взвесь холодного тумана.
Худой старик в плаще и шляпе
выгуливает добермана.

Нас всех чуть свет упрямо гонит
нужда в промозглое ненастье.
Киваю на ходу: «Good morning».
Старик мне отвечает: «Здрасьте».

1993

Переулки

Вместе с осенью иду в переулки,
завершая годовые скитанья.
В лужи падают куски штукатурки —
так положено в сезон увяданья.

Видно годы в наслоениях извёстки.
Брошен прочий мусор времени в кучи.
И летят через дворы отголоски
пенья двери не железной, скрипучи.

Оставляя большаки и проспекты,
где тревога голосит безголосо,
и в заботах за дымком сигареты
не увидеть ничего дальше носа,

вместе с осенью иду в переулки.
Как ни жали их, круша, год за годом,
здесь шаги ещё по-прежнему гулки,
и куда-то выход есть чёрным ходом.

2001

Из октября вдогонку лету...

Из октября вдогонку лету,
чураясь нашей суеты,
летела музыка по свету.
Склонялись поздние цветы.

Навстречу медленно качалось
бельё, развешенное влажно.
Она летела, но не мчалась.
Какая музыка – не важно.

Расставшись с нотными листами,
душой, покинувшею тело,
почти неслышная местами
по свету музыка летела.

Перемешавшись с первым снегом,
меланхолично и устало
она опала в сквере пегом.
И этой музыки не стало

2002

Большая Медведица

Сквозь плавный лёт гулёны-месяца
светила дальние дрожат,
когда зовёт домой медведица
своих сбежавших медвежат.

Печален звук, который создали
её несчастные бока.
На животе большими звёздами
мерцают капли молока.

Грядёт зима. На небе сполохи.
Болит душа в такую ночь.
Куда пропали эти олухи?
Неужто нечем ей помочь?

2001

Груздь впитал в себя всю грусть...

Груздь впитал в себя всю грусть
прошлогодных воскресений,
просветлённый лес осенний
заучивши наизусть:

птиц уже скупую речь,
веток ветхие одежды,
листьев скудные надежды
на возможность новых встреч.

В наши зимние пиры
груздь свои привносит нотки.
В нём причина, а не в водке
зачастившей к нам хандры.

2010

За дальним полем над перелеском...

За дальним полем над перелеском
зима расправит седые крылья,
наполнит воздух их ясным всплеском,
стеклянным блеском, морозной пылью.

И мы, студёным дыша привольем,
сдержать не сможем суровой дрожи.
Как будто полем жлобы с дрекольем
бегут к нам, скорчив рябые рожи.

2002

Когда вода соседнего пруда...

Когда вода соседнего пруда
однажды вдруг становится тверда,
там ночью можно видеть господина,
что грудью ударяется об лёд
и, телом вжавшись, жалобно зовёт
кого-то странным именем Ундина.

1997

Сквозь замороженные стёкла...

«И ты печальная сидела»

А. С. Пушкин

Сквозь замороженные стёкла
водой сочился лунный свет.
Уже давно варилась свёкла
на новогодний винегрет.

Отчасти заменяя лампу,
цвела плита нездешним цветом.
Лизал испачканную лапу
пушистый кот под табуретом.

Опять припомнились мечты.
За стенкой муж храпел на ложе.
Из крана капало. И ты
печальная сидела тоже.

1994

В городе валенки подорожали...

В городе валенки подорожали.
В городе всюду позёмка струится.
В городе, кутаясь в рваные шали,
бродит большая и серая птица.

Жгучесть она ледяную вдыхает,
а выдыхает, с парком, укоризну.
Мало кто в наших краях одобряет
вечную склонность её к пессимизму.

Может, конечно, и нам веселиться
как-то особенно нечему. В общем,
бродит по нашему городу птица.
Очень большая. И серая очень.

1997

В такой мороз и письма не идут...

В такой мороз и письма не идут:
свернул ямщик куда-нибудь с дороги,
сидит и пьёт в какой-нибудь берлоге,
и наплевать ему, что письма ждут.

И как-то не волнует подлеца,
что кто-нибудь уже почтовый ящик
припадочно сломал легко, как хрящик,
и зашвырнул в созвездие Стрельца.

1997

Барометры вещают – ясно...

«Н. Гоголь глядит свысока...»

А. Самойлов

Барометры вещают – ясно.
Сюда пришёл антициклон.
И стало холодно ужасно,
и тихо, и со всех сторон

остолбеневшие, как змеи,
которых дудочкой индус
заклял, дымы из труб деревни
повылезли, таят укус.

И солнце краешком, транзитно,
под очень небольшим углом
скользит, и градусник не видно
за замороженным стеклом.

Занятия отменили в школе —
у телевизоров сидим.
Учитель Клим Кузьмич доволен:
он любит в школе быть один.

Подбросив в печь ещё поленьев,
подходит к полке, наугад
с неё берёт: И. С. Тургенев.
Ему учитель очень рад.

1995

Издавека

Е. Жигулиной

Помнишь, как-то на реке
в пара облаке-дымке
опустившись на колени
и бока худые, в пене,
надувая до овала,
лошадь воду целовала?
Так же истово, до дрожи
я тебя целую тоже
из заснеженной глуши.
До свидания. Пиши.

1999

Я дворник, вот моя лопата...

Я дворник, вот моя лопата.
Вот телогрейка. Видишь, вата
видна в её глубоких ранах.
Есть у меня крупа в карманах,

поскольку я зиме плачу
пшеном, заботой о синицах
за ёлки праздничной свечу,
за иней на твоих ресницах.

1998

Под ногами ледяная корка...

Под ногами ледяная корка.
Поздний вечер. Вьюга. Стужа. Вторник.
Девушка стучится в двери морга,
рыжий санитар – её любовник.

Рыжий санитар в халате белом
занят у стола привычным делом,
как хирург, корпит над бранным телом
(в это время девушка стучит).

Сквозь больные завыванья вьюги
санитар услышит эти звуки,
санитар помоем быстро руки
и на зов любимой поспешит.

А потом разбавит спирт водою,
а потом из шкафа вынет снесь,
огненной, как лев, тряся главою,
очень задушевно будет петь.

Девушка пожмёт в порыве руку
санитару, за талант воздав.
Станет тот ласкать свою подругу
на кушетке с надписью «Минздрав».

Под ногами ледяная корка.
Поздний вечер. Вьюга. Стужа. Вторник.
Девушка стучится в двери морга,
рыжий санитар – её любовник.

Я иду своей дорогой мимо,
и тревожит мысль одна уколом, —
что и мне холодным, молчаливым
быть придётся встречи их декором.

Там кто– о смеётся и плачет...

Там кто–то смеётся и плачет
в чернушной теснине трубы.
В том плаче понурые клячи
на трактах считают столбы,
а в смехе краснеют носами
косые разбойничьи рожи.
Там кто-то смеётся над нами,
и мёрзлые слёзы на коже
сковали стеклянной коростой
чумазый румянец, с пожарищ.
Тебя я наслушался вдосталь,
ночных кочегаров товарищ.

1998

В полях буранчиковым мелом...

«Я последний поэт деревни...»

С. Есенин

В полях буранчиковым мелом
укрыты залежи овса,
и, очень жёлтая на белом,
мышкует ушлая лиса.

Мужик в натопленной квартире,
превозмогая тяжесть век,
читает детям: «Жили-были...»,
и те затылки чешут: «Эк!»

Поэт, подвыпивший, намедни
к безумной ярости собак
орал: «Последний я! Последний!»
на всю деревню, как дурак,

и со двора метался в сени
в напрасных поисках ремня.
Нет, это вовсе не Есенин.
И, разумеется, не я.

1998

Рыбаков унесло на льдине...

Рыбаков унесло на льдине.
Пришлось вызывать вертолёт.
Им битый час твердили
больше не лезть на лёд.

Но утром история та же:
рыбаков унесло на льдине.
Снова спасли (а как же?!),
снова предупредили.

Уже через сутки в отряд
опять с побережья тревога.
«Спасите людей, – говорят, —
во имя Господа Бога!»

Спасли и на этот раз,
выгрузили на берег,
объясняли: «Полёта час
стоит огромных денег.

Кроме того, у спасателей
много другой работы.
В общем, к такой-то матери
ваши коловороты!»

Те зареклись: «Не будем!»
«Вот, – говорят, – морока!»
Век, мол, не позабудем
этакого урока.

Мол, благодарны власти,
чудом пришло спасенье.
А в голове – про снасти
(завтра-то воскресенье).

Север

Как-то согрел
тем, что о лете
прошелестел,
солнечный ветер.

Сквозь крупяную муть
северных танцев
ветер донёс чуть-чуть
запах протуберанцев.

Цедит его сквозь нос
в чуткой затяжке
самый бывалый пес
в нашей упряжке,

долго молчит, потом
чешет за ухом,
слушая перезвон
льдинок под брюхом,

и сообщает весть
прочим собакам:
«Скоро тепло и здесь
станет, *аднака*».

1996

Песня

Бывает в дни весенние:
эскадрой на юга
уходят льды последние,
последняя шуга.

И в дымке различается,
что взмахами руки
к нам кто-то обращается
с той стороны реки.

Заброшены слободкою
обычные дела,
и каждый занят лодкою,
кипит в ведре смола.

А в дымке различается,
что взмахами руки
к нам кто-то обращается
с той стороны реки.

И слишком ясно грезится
от пристани стезя,
ведь очень нужно встретиться,
не встретиться – нельзя.

Ведь в дымке различается,
что взмахами руки
к нам кто-то обращается
с той стороны реки.

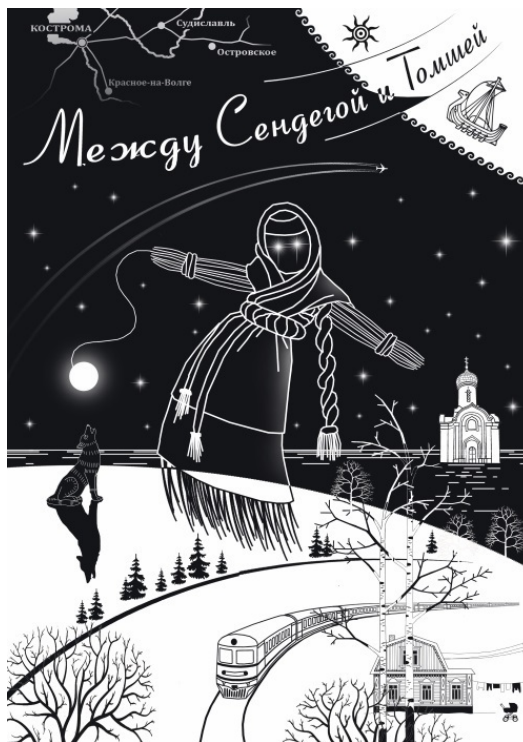
2000

Циолковский

Кто-то долго бубнил в жестяную трубу:
«Бу-бу-бу, бу-бу-бу, бу-бу-бу, бу-бу-бу...
Расстоянья чудовищны, сроки немыслимы.
А давайте о космосе зряшные мысли мы
переменим на мысли прекрасно-реальные
и придумаем, скажем, машины стиральные,
от унылых трудов оградим человека.
И практичные граждане нового века
обязательно вспомнят про наши старания.
А про звёзды не вспомнят, что ясно заранее».
...По Оке проплывала последняя льдина.
Гость смотрел, проходя, на окно мезонина.
А хозяин – опять в мастерскую под крышу,
повторяя: «Простите, но я плохо слышу».

2016

Между Сендегой и Томшей

Расплескался возле ног одуванчиков желток...

Расплескался возле ног
одуванчиков желток.

Дребезжанья ловит ухо
мельтешащих пчёл и ос.
Я слышу эстетом нюха.
Я имею чуткий нос.

Чудный зверь на задних лапах
из породы городской,
я пришёл сюда на запах!
Как сомнамбула какой.

1996

Среди дремучих темнохвойных...

Темнохвойные лишайниково-мховые леса
(Научный термин)

Среди дремучих темнохвойных
лесов лишайниково-мховых,
для нас чужих и незнакомых,
изба на ножках курьих, стройных.

Изба на жёсткой хвое рыжей
при разности зимы и лета
всегда защищена от света
еловых лап тяжёлой крышей.

Над перекошенную дверь
облезлые рога олени,
при всяком ветра дуновенье
она скрипит щемящей трелью.

И если вы в неё войдёте,
дав дань натуре любопытной,
среди всякой утвари нехитрой
легко сковороду найдёте:

большая, медная, литая,
она начищена до блеска,
стоит в углу, у печки, веско,
маняще, матово мерца.

Пройдя с опаскою, неслышно,
записку на столе прочтите:
«Хозяйка ненадолго вышла.
У ей к вам просьба: подождите...»

Иван-чай

Среди летних дорог
иногда под дымок
и колёс вековую пластинку
островком невзначай
проплывёт иван-чай,
в чай дорожный мешая горчинку.

И уже через миг
нас ведут напрямик —
пусть дорога уносится дальше —
прямо в память мосты —
луговые цветы
за вагонным окошком,
как раньше.

Эти встречи редки.
Обгоняя гудки,
мы надолго теряемся где-то.
И цветы всякий раз
тихо смотрят на нас
с колокольни короткого лета.

2001

Бутень и сныть

Приезжай – будет много открытий.
Нам найдётся, о чём говорить.
Отличается бутень от сныти,
как от дудника бутень и сныть.

Заполняют пустое пространство
борщевик да раскидистый вёх.
Приезжай. В это вольное царство
принимают любых выпивох.

Серп не жал, и коса не косила,
не свирепствовал триммер-упырь.
Красота эта – славная сила.
Атакуют кудрявый купырь

шахты точек, когда-то ракетных,
позаброшенных в здешней тиши.
Красота эта – радость для бедных?
Не приедешь? Тогда не пиши.

2017

Это – северное лето...

Это – северное лето.
Это – северные люди.
Никакого в нём секрета.
Никакой в них новой сути.

Так же склонно к скорой смуте
небо бледно-голубое.
Та же жизнь по амплитуде
от мольбы до мордобоя.

2016

Берёза пуглива...

Берёза пуглива.
Берёза такая трусиха!
Жила бы счастливо,
но всюду ей чудится лихо.

Подует чуть резче,
и речка нахмурится рябью —
она уж трепещет,
кляня свою психику
бабью.

2010

Смастерю-ка я шкатулку из капа...

Смастерю-ка я шкатулку из капа,
из берёзового чудо-нароста,
Кропотливо смастерю, не с нахрапа,
как бы ни было мне это непросто.

С пониманием текстуры и крапа,
всей природной красоты-красотищи
смастерю-ка я шкатулку из капа.
Для себя, а не продать чтоб за тысячи.

Не столяр, да и в резьбе ни бельмеса.
Только чувствую: должно получиться.
Результатом моего интереса
будет тонкая такая вещица.

И когда-нибудь насчет этой штуки
дочка скажет для меня дорогое:
«Золотые у отца, мама, руки.
Зря про них ты говорила другое».

2013

Между Сендегой и Томшей

«Восшедший на запады...»

Пс. 67

Между Сендегой и Томшей,
между Корбою и Мерой¹
мир объят насквозь промокшей
атмосферой, серой-серой.

Дробь по крышам, по железу.
Огороды – как трясина.
Я в нутро к тебе не лезу
на крыльце у магазина.

Встали на краю пучины,
два неспешных остолопа,
рассуждаем про причины
наступившего потопа.

Ты твердишь – американцы.
Я в ответ – китайский спутник.
Отряхнёт от капель пальцы
на крыльцо восшедший путник.

Он к нам – не без уваженья.
На ногах – сырые кеды.
Но не будет продолженья
оборвавшейся беседы.

2017

¹ Названия рек в Костромской области.

Охотничьею сукою...

Охотничьею сукою
лесною стороной
хожу-брожу-аукаю,
переходя на вой.

Хожу-брожу, с гадюками
целуюсь возле нор,
с кикиморами-глюками
вступаю в разговор.

И странностью замеченной
слывёт среди зверья
тот факт, что человеческой
не пахнет от меня.

1997

Ночью волк на светило молится...

Ночью волк на светило молится,
излагая заботы вслух.
И луна для него – как Троица.
К основному инстинкту глух,
волк рискует семьёй и логовом,
но нездешнему всякий раз
вновь поёт о своём, о волковом,
и с прицелом в иконостас,
не имея, как люди, рученек,
мордой тянется. И зане
всякий волчий святой и мученик
умиляется в вышине.

1999

Вожатый

Меж кромками леса и поля зажатый,
опёрся на посох усталый вожатый.
Косматые щёки, косматые брови.
Одежда – простая, и нет на ней крови.
И взгляд его светел, и бор за ним сводчат.
Да только никто быть ведомым не хочет —
ни древние бабки, ни малые дети.
И мне говорили: «Постойте, не верьте!»,
заметив, что зову вожатого внемлю.
А может, и вправду вернуться в деревню?
Я всем там чужой, и душа моя рвана.
Но, может быть, рано? Может быть, рано.

2017

У себя в Щелы́кове Островский любил

У себя в Щелы́кове² Островский любил
выпиливать лобзиком, удить на живца
и выпивать со столяром Иваном Соболевым,
но погрязал в литературной подённости:
строчил «на гора» либретто,
переводил комедии как соавтор – одну за одной...
Не дождавшись требуемого числа страниц,
из омута уходила заскучавшая щука.
Под грай устраивающихся на ночлег галок,
вдохновлённый закатом в Николо-Бережках,
друг-столяр допивал припасённую водку.
Фотография известной актрисы
зарекалась мечтать о вычурной рамке.
Он, вроде, и умер-то за работой...
Всё как водится – без бешеных денег.

2016

² Щельково – усадьба А. Н. Островского близ Кинешмы.

Огонёк

Дела согнали или совесть,
звала родня издалека...
И вот уже купает поезд
багряно-серые бока

в ночных ветрах, его пьянящих.
Колёсный счёт диктует сны.
В окне черны луга, и чащи
по-настоящему черны.

Ни костерка, ни звёздной крошки.
Так пусто, что не по себе.
И вдруг – фонарик у сторожки
на покосившемся столбе.

Мелькнул – и снова тьма пустая.
Но ведь не так уж и далёк.
Столб, провод, лампочка простая.
А вот гляди-ка: огонёк.

2013

За тучей слышен самолёт...

За тучей слышен самолёт.
За лесом – трасса.
Ты говоришь, что там живёт
другая раса.

Вчера в болото вмёрзла гать.
Кружатся хлопья.
Ты говоришь – им там плевать

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.